

Брюссель, Бельгийский Национальный театр. Сцена из второго акта

ра, ожидание чего-то страшного, что неизбежно должно произойти, ощущаются уже в первых репликах негрятки Титубы, которыми начинается пьеса, в истерическом выкрике Пэрриеса, склонившегося над лежащей в глубоком обмороке дочерью. Драматург сразу же вводит нас в мрачную атмосферу истерии, царящую в этом, казалось бы, тихом и мирном уголке Нового света.

Легко представить себе, как какой-нибудь реакционный писатель Запада ухватился бы именно за эту сторону истории салемского процесса и начал бы всячески обыгрывать тяжелые душевные переживания своих героев, может быть, даже свел бы с ума несколько человек и продемонстрировал их зрителю в состоянии невменяемости. А. Миллер избирает совсем иной путь. Атмосфера истерии, царящая в Салеме, — это лишь фон, на котором с предельным лаконизмом, в сдержанной благородной манере рисует он образы своих героев — простых трудовых людей, каждым словом подчеркивая, что этим открытым душам чужды ханжество, бесчеловечная жестокость и фанатизм, разжигаемые в них силами мира сего. Драматург не падает своих отрицательных героев. Убийственно точными штрихами он показывает, как много смешного в их по-

тугах стать величественными в своем изуверстве.

В борьбе с этими изуверами Проктор не одинок. Тихая, кроткая Элизабет в минуту тяжелого испытания оказывается столь же твердой, как и сам Проктор. Да разве один Проктор?.. А сила воли старого Джайлса Кори, умирающего под пыткой? А стойкость Ребекки Нэре, матери одиннадцати детей?

Пьеса Миллера — это утверждение способности всякого рядового человека подняться до подвига. Это не только разоблачение реакции, но и страстный призыв к борьбе с ней. И хотя автор нигде не говорит об этом прямо, нигде не стремится к лобовым ассоциациям, с неапатичной точностью воскресая перед нами историческую обстановку Америки XVII века, драма А. Миллера — это прямое разоблачение сегодняшней Америки, это рассказ, который заставляет вспомнить о процессе над тринадцатью руководителями коммунистической партии, процессе, состряпанном на основании вымышленных показаний лжесвидетелей типа Матусоу; это рассказ о трагической судьбе Юлиуса и Этель Розенбергов, и о казненных на электрическом стуле семи молодых неграх из Мартинсвилла... Ведь недаром в современном лексиконе США существует выражение «охота на ведьм»,

служащее для определения политики преследования прогрессивных элементов в стране.

Одной из интереснейших художественных особенностей пьесы А. Миллера являются большие и необыкновенно яркие авторские ремарки, превращающиеся, по существу, внутри самой пьесы в самостоятельный рассказ автора о своих героях, эпохе, характере описываемых событий. Не глазами стороннего наблюдателя смотрит на своих героев в этих ремарках-очерках драматург. Характеристика, даваемая им людям и событиям, — это его оценка происходящего — дань любви и уважения или суровый приговор.

Без правоучительных проповедей, без морализирования и сентенций Миллер подводит к выводу о необходимости для каждого честного человека ответить на вопросы, поставленные в пьесе, — сегодня эти вопросы касаются не только одной Америки. Прекрасно поняла это французская газета «Леттр франсэз», которая в связи с постановкой «Салемских колдуний» в Париже писала, что дело здесь не только в одной Америке и что французам, в частности, тоже следовало бы задуматься над обстановкой у себя в стране и «как следует подмести перед собственной дверью». Вот почему, впервые поставленная в январе 1953 года в Нью-Йорке, в Мартин Бек-театре, пьеса А. Миллера очень скоро завоевывает широкое признание публики далеко за пределами Соединенных Штатов. Переведенная на многие языки, она ставится в берлинском Шиллертеатре, в бельгийском Национальном театре, в бристольском театре Олд-Вик (Англия), в Париже в театре Сары Бернар, в Норвегии. Реакционные силы США очень скоро догадываются, что пьеса А. Миллера, казалось бы, такая далекая от современности, на самом деле является обличением именно современной Америки, что судьба четы Прокторов, предпочитающих смерть заведомо ложным признаниям, — это весьма прозрачный намек на трагическую судьбу Розенбергов. В США вокруг пьесы разгорается острая полемика. А когда бельгийский Национальный театр приглашает автора приехать в Брюссель на премьеру его пьесы, госдепартамент отказывает А. Миллеру в выдаче заграничного паспорта. Как бы в ответ на этот произвол госдепартамента бельгийский Национальный театр везет

Нью-Йорк, Мартин Бек-театр. Сцена из четвертого акта. Проктор — Артур Кэннеди, Дэвфорт — Вальтер Хэмиден

«Охоту на ведьм» летом 1954 года на театральный фестиваль в Венецию.

Во Франции «Салемских колдуний» ставит один из интереснейших режиссеров — Раймонд Руло — и получает за этот спектакль «Премия за лучшую постановку». В роли Джона Проктора выступает Ив Монган.

Всюду, где бы ни шла эта пьеса, ее постановка превращается в крупнейшее не только театральное, но и общественно-политическое событие, а прогрессивная пресса отмечает ее необыкновенную актуальность и остроту.

Пьеса Артура Миллера «Салемский процесс» требует от зрителя активного отношения к действительности и, утверждая веру в человека-борца, укрепляет в людях чувство жгучей ненависти к любым проявлениям реакции и мракобесия.